

## О современных намъ нуждахъ и задачахъ русскаго церковнаго пѣнія.

По поводу утвержденія Святѣйшимъ Синодомъ устава „Общества Любителей православнаго церковнаго пѣнія въ г. Ригѣ“ (Церк. Вѣд. 1891 г. № 29, стр. 970).

Мелодія есть душа всякаго пѣнія и музыки, гармонія же есть только одно изъ средствъ къ ея истолкованію и украшенію. Коренное наше русское церковное пѣніе есть по преимуществу *мелодическое* и составляетъ прямую отрасль мелодическаго же пѣнія Церкви Греко-Восточной.

Между тѣмъ въ современной намъ церковно-пѣвческой практикѣ <sup>полифоническое</sup> (многоголосное) пѣніе достаточно развито, научно обосновано, а затѣмъ снабжено и всякаго рода средствами къ продолженію своего существованія и усовершенствованію, основное же наше *церковно-мелодическое* пѣніе не находится на высотѣ совершенства и какъ бы оставлено нами въ пренебреженіи. Мы не вникаемъ въ него научно, чтобы узнать его музыкальнныя основанія, формы и красоты, не стараемся продолжить его творчество, или по крайней мѣрѣ выдѣлить въ немъ истинно художественныя произведенія изъ посредственныхъ и уяснить ихъ достоинства; не стремимся усовершеншить его и въ исполненіи путемъ пѣвчески-практическимъ.

Чтобы нашему церковно-мелодическому пѣнію имѣть твердыя основы и быть истинно церковнымъ пѣніемъ, т. е. правильнымъ, сознательнымъ, художественнымъ, для этого ему, по мнѣнію русскихъ и иностранныхъ знатоковъ дѣла (п. Безсонова, прот. Разумовскаго, Бургó-Дюкудрé, Де-Кастро) въ частности не достаётъ: 1) достаточно разработанной мелодической теоріи или музыкальной грамматики; 2) достаточной полноты и критическаго подбора художественныхъ напѣвовъ, кругъ которыхъ съ

теченіемъ времени все болѣе и болѣе сѣуживается и даже вытѣсняется напѣвами краткосложенными; 3) ему недостаетъ наконецъ надлежащей художественности исполненія. Вотъ три важные пробѣла въ нашемъ церковномъ пѣніи, которые предстоитъ восполнить современному намъ поколѣнію знатоковъ и любителей церковнаго пѣнія.

Дѣйствительно во всѣхъ этихъ отношеніяхъ наше церковное пѣніе отстало не только отъ современнаго намъ церковнаго же пѣнія прочихъ европейскихъ народовъ, но и отъ древняго и новаго пѣнія восточныхъ церквей и даже отъ русскаго же мелодическаго пѣнія XVII вѣка. Именно:

Въ Греческой Церкви съ самыхъ древнихъ временъ мы видимъ, сверхъ нотныхъ богослужебныхъ книгъ, цѣлый рядъ *теоретическихъ* и *методическихъ* руководствъ, частію напечатанныхъ, или же сохраняющихся въ рукописяхъ, только на языкѣ греческомъ, частію переведенныхъ на европейскіе языки (особенно на латинскій), \*) каковыя руководства касаются не чтенія только нотныхъ знаковъ, но и музыкальныхъ основаній пѣнія, и состава мелодій и способовъ выразительности, и ритма, и украшеній. Начало такихъ руководствъ восходитъ еще ко временамъ св. Іоанна Златоустаго (IV в.), св. Іоанна Дамаскина (VIII в.), Іоанна Кукузеля (XIV в.). Затѣмъ всѣ европейскіе наши сосѣди на прим., нѣмцы, французы, голландцы, испанцы, итальянцы и др. имѣютъ развитыя теоріи своего храмоваго пѣнія, которыми пользовались иногда и наши церковные композиторы. \*\*) Далѣе, не довольствуясь этимъ, западные наши сосѣди изслѣдуютъ, перерабатываютъ древнія и новыя теоріи а равно и напѣвы грековъ, какъ первотипы христіанскаго пѣнія. Таковы, на прим., г. Рандхартингеръ въ Вѣнѣ, Бурго-Дюкудрэ въ Парижѣ. и др. Они дѣлаютъ опыты приведенія въ извѣстность и разработки даже на

---

\*) Перечень этихъ сочиненій можно видѣть у Архим. Порфирія Успенскаго въ „Приложеніяхъ“ ко 2-му отд. II части „Перваго его путешествія въ Аѳон. монастыри и скиты,“ стр. 84—87; а также у Герберта „Scriptores ecclesiastici de musica sacra“.

\*\*) Такъ напѣ Н. И. Глинка въ Берлинѣ подъ руководствомъ Дена изучалъ теорію церковной музыки съ образцами изъ Палестрины и Орландо Лассо. „Церк. пѣніе въ Россіи,“ прот. Д. Разумовскаго, М. 1868 г., стр. 246.

шего греко-славянскаго церковнаго пѣнія (Корнеліо Станковичъ въ Вѣнѣ, Де-Кастро въ Римѣ). Мы же, получившіе свое пѣніе частію отъ южныхъ славянъ, частію непосредственно отъ грековъ, не только не разработали его теоретически, но даже не имѣемъ понятія ни о ихъ подлинныхъ напѣвахъ, ни о ихъ теоріи и музыкальныхъ знакахъ... Въ самомъ отечествѣ нашемъ въ XVII вѣкѣ еще были нѣкоторыя руководства къ изученію церковно-русскаго пѣнія, которыя, въ видѣ объясненій крюковыхъ знаковъ (наприм. азбука А. Мезенца) или элементарной теоріи гармоніи (грамматика Тихона Макарьевскаго), знакомили нашихъ пѣвцовъ съ первоначальными теоретическими основаніями и церковно-мелодическаго пѣнія. Но затѣмъ съ XVIII вѣка и эти руководства преданы забвенію; новыми же они не замѣнены, а лишь дополнены разными руководствами по гармоніи и музыкальной композиціи западно-европейскаго стиля, вовсе не касающимися мелодіи (таковы нынѣ руководства: Арнольда, Кашкина, Чайковскаго и др.). Так. обр. теорія нашего собственно мелодическаго церковнаго пѣнія засохла при пусканіи перваго ростка и не возраждалась донинѣ. „Пѣніе Русской Церкви,—по словамъ глубокаго знатока его, о прот. Д. В. Разумовскаго, — *досель еще не имѣетъ своей грамматики*“ \*).

Затѣмъ, церковно-музыкальное творчество западныхъ народовъ, а также и грековъ и придунайскихъ славянъ, не переставало развиваться донинѣ и пополняться *новыми мелодіями въ связи съ прежними ихъ напѣвами* и вмѣстѣ держаться на высотѣ, сообразно степени развитія музыкальной науки и современнаго музыкальнаго вкуса. Наше же мелодическое творчество, въ связи съ древними нашими мелодическими распѣвами, болѣе не продолжается. Наши распѣвы окончательно сформировавшіеся въ Россіи въ XVII вѣкѣ (знаменный или столповой, кіевскій, болгарскій, греческій) не только не продолжаютъ развиваться и восполняться новыми произведеніями въ томъ же направленіи,

---

\*) „Церк. пѣніе въ Россіи“, стр. 43. Примѣчаніе. См. еще De Castro „Methodus cantus ecclesiastici Graeco-Slavici“. Romae. 1881. Prologus. p. XVII; а также Bourgault-Ducoudray: „Etudes sur la musique ecclesiastique Grecque“. Paris 1877. C. IV.

духѣ и стилѣ, но даже въ большинствѣ своихъ готовыхъ мелодій, сохраняясь въ нашихъ нотныхъ книгахъ какъ мертвый матеріалъ, въ практикѣ остаются безъ употребленія, или же сокращаются и ухудшаются въ своемъ музыкальномъ содержаніи и замѣняются иными менѣе достойными напѣвами. Отъ того кругъ древняго мелодическаго пѣнія въ наше время сократился до послѣдней крайности. А при такомъ положеніи дѣла невозможны: ни ихъ классификація, ни художественный подборъ, ни эстетическая критика. Мы не слышимъ ихъ, а потому не знаемъ, не цѣнимъ ихъ достоинствъ, не можемъ и судить о нихъ.

Наконецъ европейскіе наши сосѣди, а также греки, придунайскіе славяне и даже евреи, храня древнее преданіе, сверхъ пѣвческихъ хоровъ, имѣютъ и особыхъ искусныхъ мелодическихъ пѣвцовъ,—канторовъ, протонсалтовъ, кацановъ,—могущихъ поддерживать храмовое ихъ мелодическое пѣніе на надлежащей ему высотѣ; мы же имѣемъ мелодистами лишь *чтецовъ*, по обстоятельствамъ недавно протекшаго времени, почти самоучекъ въ пѣніи и потому сомнительныхъ мастеровъ его, а также хоры пѣвцовъ, правда благоустроенные, но иногда соблазняющіе своимъ западнымъ и свѣтскимъ направленіемъ въ пѣніи не только нашихъ старообрядцевъ, но и грековъ (наприм., Смирнскихъ).

Печальные результаты такого положенія дѣла очевидны. Это,—въ техническомъ отношеніи,—односторонность нашей нынѣшней церковно-вокальной музыки, именно: господство второстепеннаго въ ней, при томъ одного только вида гармоническаго элемента надъ главнымъ,—мелодією и унадокъ отдѣльнаго отъ гармоніи мелодическаго пѣнія. Несоразмѣрность и ненормальныя отношенія этихъ двухъ элементовъ обнаруживаются съ одной стороны часто музыкальною безсодержательностію напѣвовъ, окрашенныхъ гармонією, иногда погоней за мотивами и приемами пѣнія чуждыми русской церковности и народности, иногда громоздкостію звуковъ, заглушающею слова пѣснопѣній; вообще же недостаткомъ въ пѣніи или даже и полнымъ отсутствіемъ одушевляющей музыки и слово мелодіи. Съ церковно-археологической и художественной стороны,—это—изъятіе изъ употребленія большей части нашихъ коренныхъ древнихъ, иногда по

истинѣ художественныхъ напѣвовъ, отсутствіе разумѣнія употребительныхъ еще изъ нихъ, иногда до забвенія ихъ названій, утрата ихъ красотъ, способовъ и приѣмовъ исполненія, наконецъ произвольное съ ними обращеніе по личному вкусу каждаго, или же вѣянiю случайныхъ вліяній; образованіе же вмѣсто ихъ напѣвовъ чуждыхъ художественнаго склада, речитативныхъ, бѣглыхъ, или даже превращеніе искусства въ ремесло низкаго достоинства. Въ слѣдствіе же всего этого наше мелодическое церковное пѣніе, нѣкогда поражавшее своею художественностью, какъ *англійское* пѣніе, нынѣ, предъ судомъ сравнительно развитаго эстетически музыкальнаго вкуса, оказывается неудовлетворительнымъ, не можетъ конкурировать съ церковнымъ пѣніемъ иныхъ странъ и легко уступаетъ наплыву звпадно-европейскихъ и даже мірскихъ композицій, подкрѣпляемыхъ научною теоріею и дѣйствительнымъ искусствомъ исполненія.

Не будемъ искать виновниковъ такого печальнаго положенія церковно-мелодическаго искусства въ послѣдніе два вѣка въ нашемъ отечествѣ. Ихъ въ дѣйствительности нѣтъ. Историческій ходъ событій и обстоятельства даннаго времени способны съюзить и привести къ той или другой крайности самыя широкія цѣли и самыя благія намѣренія предпринимателей, пока конечные результаты и критическій ихъ анализъ не возбудятъ реакціи и не укажутъ путей къ болѣе или менѣе благополучному исходу. Заимствуя въ XVIII вѣкѣ изъ западной европы много полезнаго для себя въ гражданской жизни, мы просто „пересолили“, подчинивъ ея вліянію и наше церковное восточнаго происхожденія пѣніе и наконецъ въ большинствѣ пѣснопѣній замѣнили его западнымъ. А сдѣлали мы это по увлеченію западничествомъ вообще и проникновенію въ Россію, съ ея преобразованіями, свѣтской музыки въ частности, по недостатку музыкальныхъ учреждений въ молодой еще тогда относительно развитія наукъ Россіи и особенно по недостатку въ ней науки музыкальной (теоріи и исторіи), наконецъ по неразвитости въ обществѣ истинно-музыкальнаго вкуса, шаткости мнѣній и по многимъ другимъ, не зависящимъ отъ кого либо лично, историческимъ, этнографическимъ и даже топографическимъ обстоятельствамъ.

Въ настоящее время, съ достаточнымъ уже развитіемъ научнаго и музыкальнаго образованія въ Россіи, съ постепеннымъ склоненіемъ общественной мысли и жизни къ кореннымъ русскимъ началамъ, естественно обращено вниманіе и на коренныя начала русскаго народнаго и церковнаго пѣнія, а именно: на ихъ научную разработку, очищеніе и возстановленіе согласно ихъ первоисточникамъ. Какія же задачи по церковному пѣнію подлежатъ въ настоящее время? Что сдѣлано въ этомъ отношеніи по нынѣ и что слѣдуетъ продолжить современнымъ дѣятелямъ? Наконецъ, какими путями и способами задачи эти возможны къ рѣшенію? Объ этомъ и считаю особенно приличнымъ побесѣдовать при настоящемъ случаѣ.

Возстановленіе церковнаго пѣнія въ надлежащей ему широтѣ, достоинствѣ и чистотѣ, какъ въ мелодическомъ, такъ и въ гармоническомъ его видѣ, охраненіе цѣлости духа и строя древнихъ церковныхъ напѣвовъ, огражденіе церковнаго искусства отъ несообразныхъ съ нимъ чуждыхъ вторженій, а равно и отъ произвола безцеремонныхъ, но не компетентныхъ композиторовъ и пѣвцовъ, уясненіе техническаго устройства, ритма и красотъ нашихъ распѣвовъ, надлежащая ихъ классификація и наконецъ надлежащее художественное ихъ исполненіе, — вотъ цѣли, къ которымъ должна направляться дѣятельность современныхъ намъ трудолюбцевъ по церковному пѣнію. Цѣли эти не могутъ быть достигнуты лишь одними административными мѣрами Правительства, — указаціями или запрещеніями, или даже исправленіемъ и печатаніемъ нотныхъ книгъ. Ибо привычка къ старому, произволъ, а иногда и практической расчётъ способны отвергнуть или исказить и напечатанное въ книгахъ и снова расположить исполнителей пѣнія коснѣть въ рутинѣ устныхъ преданій или же подчиняться всякаго рода случайнымъ вліяніямъ. Возстановить и возвысить церковное пѣніе могутъ только примененныя къ нему въ извѣстной мѣрѣ и распространеныя въ интеллигентныхъ слояхъ общества и въ массѣ исполнителей пѣнія *наука* и *искусство*. Только наука можетъ сдѣлать пѣніе разумнымъ служеніемъ Богу, уяснить неисчетное богатство его музыкальнаго содержанія, расширить сѣзвившійся его кругъ, крити-

чески отдѣлить художественныя и вообще достойныя произведенія отъ посредственныхъ и недостойныхъ, коренныя отъ вносныхъ, разъяснить ихъ техническій составъ и художественныя стороны, исправить неправильное, улучшить несовершенное. Искусство должно принять на себя практическое примѣненіе выработанныхъ наукою началъ, способовъ и приѣмовъ къ художественному исполненію напѣвовъ. Только наука и искусство въ соединеніи могутъ вообще возстановить и возвысить достоинство церковнаго пѣнія, сообщить ему опредѣленный характеръ и чрезъ то устойчивость въ борьбѣ съ рутиной, произволомъ и чуждыми духу нашей церковности внѣшними вліяніями. Только наука и искусство, проникнувъ въ болѣе отзывчивыя къ общественнымъ нравственнымъ интересамъ и болѣе вліятельныя слои общества, могутъ расположить и направить общественныя силы къ разностороннему, но вмѣстѣ совокупно — дружному дѣйствованію въ интересахъ возвышенія и улучшенія нашего церковнаго пѣнія; только они могутъ возбудить и въ отдѣльныхъ лицахъ воодушевленную преданность и любовь къ этому предмету, — качества столь необходимыя для успѣха во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ искусствѣ.

Что въ частности сдѣлано по настоящее время и что остается сдѣлать въ вышесказанномъ направленіи по теоріи, исторіи и практикѣ нашего церковнаго пѣнія?

### *І. Теорія и исторія.*

Трудами передовыхъ нашихъ дѣятелей текущаго вѣка \*), особенно за послѣднія три его десятилѣтія нѣкоторыя вопіющіе недостатки нашего церковнаго пѣнія устранены, нѣкоторыя пробѣлы пополнены. Главною заботою этихъ дѣятелей было: выяснить общій характеръ нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ, частію техническое устройство гласовъ и особенно лежащую въ ихъ основѣ діатоническую гамму, освободить гармонизацію древнихъ напѣвовъ отъ несвойственнаго имъ западно-европейскаго

---

\*) Въ числѣ ихъ упомянемъ: Митрополита Евгенія, А. О. Львова, Н. И. Глинку, кн. О. О. Одоевскаго, прот. Д. В. Разумовскаго. Н. М. Потулова П. А. Безсонова, Ю. Арнольда, Д. Н. Соловьева и С. В. Смоленскаго.